

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

Любовники в заснеженном саду

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Любовники
в заснеженном
саду**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.
П37 Любвники в заснеженном саду / Виктория
Платова. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
576 с.

ISBN 978-5-04-090168-5

...Ему не повезло: все попытки уйти из жизни
вслед за погибшим сыном не увенчались успехом.
А должны были увенчаться — только так можно
было избавиться от чувства вины.

Им повезло больше: пройдя кастинг, они ста-
новятся популярным попсовым дуэтом. Плата за
славу не так уж велика: скандальный имидж и
смена сексуальной ориентации. Но они так юны
и еще не знают, что слава и успех проходят слиш-
ком быстро, оставляя за собой выжженную и поч-
ти мертвую душу.

И когда, потеряв все, они остаются на обочи-
не, — тогда и возникает вопрос: сможет ли выж-
женная душа противостоять чужой жестокой игре
или, умерев сама, начнет убивать других?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090168-5

© Платова В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

*Все события, происходящие
в романе, вымышлены, любое
сходство с реально существующими
людьми случайно.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИКИТА

Сентябрь 200... года

«А ведь она похожа на Ингу, — тупо подумал Никита. — Странно, что я заметил это только сейчас...»

Чертовски похожа. Надо же, дерьмо какое!

Похожа определенно. До смуглой, убитой временем родинки на предплечье. До хрипатого том-вейтсовского «Blue Valentine» — Инга с ума сходила от этой вещи. Есть от чего, по зрелом размышлении. Особенно когда пальцы гитариста рассеянно задевают гриф в проигрышах. Проигрыши похожи на ущелья, в которых так легко разбиться. Проигрыши похожи на ущелья, а Она — на Ингу.

Похожа, похожа, похожа...

Она похожа на Ингу, которую Никита не знает. И никогда не знал. Никита появился потом, и с ним Инга прожила другую жизнь. Восемь лет — тоже жизнь, кусок жизни, осколок, отгрызок, съездившаяся змеиная шкурка. Ничего от этой жизни не осталось, ровным счетом ничего. И только гибель Никиты-младшего — как жирная точка в конце. Никите так и не удалось перевести ее в робкое многоточие, даже почти эфемерного «Forse che si, forse che no» не получилось.

«Forse che si, forse che no».

«Возможно — да, возможно — нет». Дурацкое выражение, восемь лет назад привезенное ими из свадебно-

го путешествия, из итальянской Мантуи, где они зачали Никиту-младшего. Никите хотелось думать, что в Мантуе, хотя сразу же после Италии, в коротком, дышащем в затылок промежутке, были Испания и Португалия, но... «Возможно — да, возможно — нет» — дурацкое выражение, украшающее эмблемы княжеского дома Гонзага. Никиты-младшего больше нет, а лабиринты остались. Они до сих пор скитаются в этих лабиринтах — Инга и Никита — до сих пор.

Боясь наткнуться друг на друга.

И все равно натыкаются.

Еще чаще они натыкаются на вещи Никиты-младшего, на его игрушки — целое стадо гоночных машинок со счастливым номером Шумахера, кирпичики «Лего», роботов-трансформеров, безвольную мягкую фауну, набитую синтепоном... Автоматы, пистолеты, недоукомплектованные подразделения солдатиков, пазлы, книжки...

Инга до сих пор читает эти книжки — вслух, в гулкой пустой детской, — и тогда Никите начинает казаться, что она помешалась. «Возможно — да, возможно — нет», говорит в таких случаях Инга. Это те немногие слова, которые она все еще говорит ему.

А Она и вправду похожа на Ингу.

Должно быть, Инга такой и была — до встречи с Никитой. Длинноволосая ухоженная блондинка двадцати трех лет, никаких мыслей о родах, после которых так разносит бедра. Аккуратно вырезанные ноздри, аккуратно вырезанные губы, надменная тень капитолийской волчицы в глазах — сестры-близнецы, да и только! Вот только Инга выскочила замуж за первого же встреченного брюнетистого симпатягу без роду-племени, наплевав на дру-

гого, совсем не такого симпатичного лошका-мужа... А Она, не будь дурой, взнуздала самого перспективного жеребца в бизнес-табуне — пусть немолодого, но под завязку упакованного. Его, Никиты, нынешнего хозяина.

Вдовца.

Теперь уже — вдовца.

Но он об этом еще не знает. И никто не знает. Никто, кроме Никиты.

Надо же, дерьмо какое! Хозяйская жена в хозяйской ванной — с аккуратной дыркой во лбу. И он, Никита, на пороге. Его не должно быть здесь, в этой ванной, отделанной под мрамор и такой стерильной, что даже кокетливое биде кажется выпаренным в автоклаве. Его не должно быть здесь — и он здесь.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо!..

Все так же не отрывая взгляда от розовой от крови воды, в которой парило Ее тело, Никита сбросил кроссовки и на цыпочках двинулся к джакузи. Носки сразу же промокли — от почти незаметных крошечных лужиц на мраморном патрицианском полу.

Вода была еще теплой. Парное молоко, сказала бы Инга. Но она давно не говорит об этом. Табу. У них много слов-табу: парное молоко, вода, озеро, кувшинки, песок, дети, мальчик, август, воскресенье, мой малыш, смеяться, крошка Вилли-Винки потерял ботинки, я люблю тебя... Никто больше не говорит Никите: «Я люблю тебя». Ему говорят: «Ты — убийца собственного сына».

Ему говорят об этом, даже когда молчат.

Ему говорят об этом, даже не произнося имени вслух: ведь его собственное проклятое имя — это благословенное имя Никиты-младшего. Имя — табу. Больше года Инга не

произносила его имени вслух — с того самого августовско-воскресенья, когда их сына не стало.

Вода, которая убила Никиту-младшего, тоже напоминала парное молоко. Но Никита этого не помнит: только холод. Прозрачный холод, застывшая мелкая рябь озерного песка и тельце шестилетнего сына, над которым сомкнулся тяжелый штиль. Никита нашел Никиту-младшего не сразу, он даже не сразу сообразил, что произошло. Еще совсем недавно голова сына горделиво возвышалась над поверхностью: смотри, пап, как я умею плавать, это ведь ты меня научил!.. Все, все было бы сейчас по-другому, если бы Никите не пришла в голову адская мысль выскочить на берег за маской и трубкой. Вернее, она пришла в голову Никите-младшему: «Ты обещал научить меня плавать с трубкой, пап, а еще — акваланг, а правда, что с аквалангом можно увидеть рыбок у самого дна?..» Все, все было бы сейчас по-другому, и Никита-младший уже ходил бы в школу, и на каникулы они обязательно поехали бы куда-нибудь все вместе, — скорее всего, в Мантую, Инге всегда нравилась Италия.

«Forse che si, forse che no».

No, no, no...

Нет. А «да» — уже никогда не будет.

Никита выскочил на берег, чтобы взять маску, перетрянул джинсы, зачем-то вытащил часы — было без двадцати четыре: лучшее время для ленивого позднего лета, с ленивым солнцем и робкой, уже осенней паутиной на траве. Какой-то добродушный толстяк попросил у него закурить, и еще несколько минут ушло на поиски сигарет и необязательный разговор. Несколько минут, в которые можно было спасти Никиту-младшего... И в эти несколько минут

сын не кричал, не звал на помощь — очевидно, он просто побоялся выглядеть в глазах отца слабаком. «Не будь слабаком!» — это был их девиз. Ничуть не хуже девиза княжеского дома Гонзага. «Не будь слабаком!» — очень по-мужски. А толстяк, попросивший у Никиты сигарету, смахивал на бабу: застенчивый, плохо обозначенный подбородок, покатые плечи, грудь, нависающая на живот... Он-то и забеспокоился первым, очень по-женски: «Ваш сынишка — просто молодчина, так уверенно держится на воде... Это ведь ваш сын? Я наблюдал за вами... Правда, сейчас его не вижу...» Но даже и эта вскользь оброненная фраза не заставила Никиту беспокоиться. Позднее лето, ленивое солнце, ленивая медовая вода — какое уж тут беспокойство! Только когда он обернулся и не увидел упрямого шелковистого затылка Никиты-младшего — только тогда его кольнуло в сердце. Кажется, он крикнул «Никитка!» и бросился в воду. Толстяк последовал за ним — Никита услышал только, как охнуло озеро за его спиной: должно быть, именно так резвятся киты на мелководье... Почему он подумал тогда об этом, почему?! Не о Никите-младшем, а о китах и мелководье...

Они нашли Никиту-младшего минут через десять. Так, во всяком случае, утверждал толстяк, который давал показания милиции, приехавшей одновременно со «Скорой». Для самого Никиты время остановилось и перестало существовать. Нет, метастазы времени, его короткие сполыхи все еще давали о себе знать, когда он пытался вдохнуть жизнь в посиневшие губы сына, когда, положив его невесомое тело на колено, все жал и жал на узенькую детскую спину. Чуда не произошло — только песок и вода, выходящая из легких. Только песок и вода...

Никита почти не помнил похорон. Зато хорошо запомнил Ингу — в тот вечер, когда они впервые остались одни, без Никиты-младшего. Без живого Никиты-младшего, без мертвого Никиты-младшего. В тот вечер и во все последующие. До этого он, как мог, пытался поддержать жену, Инга тоже цеплялась за него — чтобы не сойти с ума в водовороте последнего ритуального кошмара. «Нужно перетерпеть, нужно перетерпеть, милый», — бессвязно шептала она Никите даже на кладбище. Она была единственной, кто не плакал, — и это не выглядело кощунственным: горе было слишком велико, чтобы пытаться умиловить его, заглушить слезами.

До девятого дня Инга была спокойна, удивительно спокойна — так спокойна, что Никита несколько раз снимал телефонную трубку, чтобы позвонить в психушку. Она почти не выходила из детской, а если и выходила, то только для того, чтобы заглянуть в шкаф, под кровать и за портьеры в спальне — излюбленные места Никиты-младшего в их до одури беспорядочной семейной игре в прятки... Кого она искала? Никиту-младшего, себя саму, безвозвратно утерянное счастье последних шести лет? «Forse che si, forse che no».

Нужно перетерпеть, нужно перетерпеть, милый...

Все эти девять дней она была нежна с Никитой — рассеянно, потусторонне нежна. Такой нежности не было даже в их медовый месяц в Мантуе. Впрочем, о нежности говорить тогда не приходилось — страсть, дикая, необузданная страсть — вот что там было. И Никита-младший родился смуглым, с длинными черными прядками на темени, с неровными, как будто подпаленными ресницами, — он был

выжжен этой страстью. Он родился от огня, а умер — от воды...

Все кончилось на десятый день. Инга не ашла. Но не сына, спрятавшегося в спальне, нет. Она нашла то, чего не искала, не хотела найти ни при каких обстоятельствах, — она нашла правду о том, что Никиты-младшего больше не будет. Никогда. Роботы-трансформеры, книжки, фотки, пожухлые видеопленки с дня рождения будут, а его — не будет. Правда слишком долго стояла за портьерой, лежала под кроватью, сгибалась в три погибели в шкафу — и ей надоело хорониться! Она выползла из своих многочисленных укрытий и коснулась нежных тонких волос Инги шершавой безжалостной ладонью, а потом, примерившись, ударила наотмашь: Никиты-младшего не будет никогда.

Никита не видел, как это произошло: он сидел на кухне и вливал в себя водку. С тем же успехом можно было пить спирт, мазут, дистиллированную воду — никакого эффекта. Инга вошла как раз в недолгом перерыве между двумя очередными стопками, прикрыла за собой дверь и тяжело облокотилась на нее.

— Ты убил моего сына, — безразличным треснувшим голосом сказала она.

Это была вторая правда, открывшаяся Инге вслед за первой.

— Ты убил моего сына. Гореть тебе в аду.

Никита даже не нашелся, что ответить. Да и что было отвечать? «Ты права»? «Ты сошла с ума»? «Побойся бога»? «Нужно перетерпеть, милая»?..

— Инга... — пролепетал Никита. Но так ничего и не сказал.

— Я обещаю тебе ад. Ты слышишь? Обещаю...

И она сдержала слово. Его неистовая жена. Она не ушла от Никиты, потому что уйти от Никиты — означало увести ад с собой. И больше не видеть, как мучается невинный убийца невинного сына. А ей нужно было видеть, нужно! Дважды Никита пытался покончить с собой — и дважды Инга спасала его: от петли и от жалкой кучки бритвенных лезвий. В последний раз она успела как раз вовремя — Никита всего лишь дважды полоснул себя по венам, на большее не хватило времени: она вынесла дверь в ванную — и откуда только силы взялись?..

— Ты не отделаешься так легко, — сказала Инга, зажимая губами хлещущую с запястий кровь. — Не отделаешься. Ты будешь жить. Смерть не для тебя, слышишь!..

И Никита смирился. Смерть не для него. Смерть — рай, а он приговорен к аду. И его светловолосый палач всегда будет рядом с ним. Они оба состарятся в этом аду, а Никита-младший так и останется шестилетним мальчишкой, который больше всего боялся оказаться слабым.

После смерти Никиты-младшего они ни разу не были близки. Они даже спали в разных комнатах: Инга — в детской, а Никита — в их когда-то общей спальне. Но оставаться там тоже было невыносимо: спальня была пропитана их ласками, их безумными ночами, ее приглушенными (чтобы не разбудить сына) стонами и его шепотом: «Ты нимфоманка, девочка, нимфоманка... Боже мой, я женат на нимфоманке...» За годы супружества — до самой смерти Никиты-младшего — их страсть не потускнела, скорее наоборот — что только не приходило им в голову! А слабо заняться любовью в подсобке мебельного магазина, куда они завернули, чтобы выбрать стол для Никиты-

младшего? Не слабо, не слабо... А слабо заняться любовью в лифте — в доме Никитино друга Левитаса, к которому они были приглашены на день рождения? Не слабо, не слабо, совсем не слабо, даром что шампанское разбито, цветы помяты и от макияжа ничего не осталось — как же ты хороша... Как же ты хороша, девочка моя... А невинные шалости на последнем ряду с гарниром из затрапезного американского кинца — в «Баррикаде» или «Колизее»! Инга предпочитала «Колизей» — кресла в «Колизее» ей нравились больше. Она обожала целоваться на эскалаторе в метро — и они иногда, оставив Никиту-младшего с приходящей няней, посвящали метрошке целые вечера. Смешно, ведь у Никиты уже давно была машина — «жигуленок» девятой модели. Конечно же, они проделывали это и в машине, как проделывали это везде, но с «целоваться на эскалаторе» ничто не могло сравниться. Целоваться на эскалаторе, залезать друг другу под одежду в переполненном вагоне — и чем больше одежды, тем лучше, тем дольше и упоительнее один и тот же, но всегда новый путь к телу... К напряженным соскам, к взмокшей спине, к колом вставшему паху... В этот момент шальные глаза Инги меняли цвет — Никита даже не мог подобрать определения этому цвету, пока — совершенно случайно — не нашел его: цвет крылышек ночной бабочки, утонувшей в бокале с коньяком...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо...

Больше он ни разу не видел у нее таких глаз, и «утонуть» — тоже стало словом-табу. Самым страшным словом, возглавлявшим список всех страшных слов.

Он не смог оставаться в спальне и перебрался на кухню, на маленький вытертый топчан. Детская была за стеной,